

НАДЕЖДА

МАМАЕВА

*Курортный
обман*

Рай и ад

Курортный роман

Надежда Мамаева

Курортный обман. Рай и гад

«Надежда Мамаева»

2020

Мамаева Н. Н.

Курортный обман. Рай и гад / Н. Н. Мамаева — «Надежда Мамаева», 2020 — (Курортный роман)

Катя Скрипка знает, сколько бусин на браслете у того человека, который научил ее плакать без слез. Она знает, что через год закончит университет и обязательно выберется из нищеты. Но она еще не знает, что один вечер может полностью перевернуть ее жизнь. Нечаянное движение рукой – и судьба сталкивает Катю с ее двойником – содержанкой крупного бизнесмена, которой срочно нужна дублерша. Андрис Тратас знает, что чем выше ставка – тем жёстче игра. А еще он знает, что у него в запасе всего пять суток, чтобы найти преступника, который грозит заразить все Черноморское побережье в разгар отпускного сезона. Но вот чего Андрис не знает, так это того, что в его расследовании скоро солировать будет Скрипка...

© Мамаева Н. Н., 2020

© Надежда Мамаева, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Надежда Мамаева

Курортный роман. Рай и гад

Пролог

– Вот скажи мне, что нужно сделать, чтобы за один курортный сезон угробить лечебный велнес-отель высшей категории? – в баритоне говорившего слышалось плохо скрытое раздражение.

– Угробить – в смысле обанкротить? – спокойно, даже чуть с ленцой, уточнил собеседник, обладатель приятного тенора, вольготно расположившийся в кресле напротив.

За окном были видны яркие огни ночного города и черное, как сажа, небо. Ветер яростно бился о стекло, которое заменяло собою стену, открывая панораму никогда не спящей столицы. Сегодня брюхатые дождем тучи заволокли все вокруг. В летнем воздухе чувствовалось предгрозовое напряжение, желание природы разразиться бурей.

Чувства обладателя баритона словно вторили этому настроению стихии.

– Если бы... В таком случае я бы обратился к своим антикризисным управленцам, – мужчина в раздражении откинулся на спинку кожаного кресла и воззрился на натяжной потолок, словно ждал оттуда божественного озарения.

Увы, диодные лампы никак не желали походить на небесное свечение и осенять идеей Владимира Гросмана – владельца сети спа-отелей класса люкс. Хотя она, идея, была ему решительно нужна, поскольку вопрос стоял остро: на кону была репутация его курортного детища. Но вот как решить назревшую проблему самому, Гросман не знал. Потому и обратился к давнему другу Андрею или, на литовский манер, Андрису Тратасу.

– У тебя наверняка есть на примете смекалистые ребята, не чета моей службе безопасности... – Гросман свел кончики пальцев перед собой: мизинец к мизинцу, указательный к указательному. – Нет, мои парни тоже неплохи, но, как говорится, одно дело следить за безопасностью честных людей, другое...

– Выкладывай все с самого начала, – перебил Андрис. – Что там конкретно с репутацией твоего санатория...

– Лечебного велнес-отеля, – ревниво поправил Гросман.

Таким тоном обычно говорят педантичные продавцы букинистических отделов, когда покупатели называют их товар уничижительно: «книжонки».

– Хорошо, – литовец поднял руки вверх в жесте «сдаюсь». При его внушительном росте движение вышло весьма впечатляющим.

Вставший в этот момент с кресла невысокий и щуплый Гросман оказался ростом как раз вровень с кончиками пальцев сидящего Андриса.

Нельзя было найти людей более противоположенных, чем эти двое.

Один – высокий широкоплечий брюнет с двухдневной щетиной и обезоруживающей улыбкой. Сложись судьба Андриса иначе, он наверняка мог бы стать успешным актером с целой армией преданных фанатов. Впрочем, и без богемной славы литовец не был лишен женского внимания. Скорее даже наоборот, у него подобного добра хватало с избытком. Вот только он не спешил его использовать и предпочитал качество количеству.

Второй – худощавый настолько, что его о его фигуре можно было смело сказать: не телосложение, а теловычитание. Но самого Гросмана сие не смущало, как и то, что копна огненно – рыжих волос совершенно не вязалась с его еврейскими корнями. Зато его обманчивая внешность слабого, даже отчасти хилого клерка успешно скрывала под собою жесткого дельца, акулу. Этот педант до мозга костей, всегда ходил в идеально скроенном костюме и начищен-

ных до блеска ботинках. При этом Гроссман обладал цепкой хваткой и всегда знал, когда стоит рискнуть, когда отступить, а когда – обратиться за помощью.

Вот и сейчас, расхаживая из угла в угол по кабинету, он собирался с мыслями, чтобы поведать старому другу о весьма деликатной проблеме.

– Помнишь, год назад по заграничным курортам прошла эпидемия, и многие отдыхающие отказались от уже забронированных туров и предпочли отдых в России?

Андрис скептически изогнул бровь.

– Ах, да, прости, забыл... Ты в ту пору «отдыхал» на том еще «курорте». Так вот, поясню для тебя, друг мой бронированный, раз ты в это время был в каске и все пропустил: иностранные отели из-за местной эпидемии лишились кучи денег. Зато отели Черноморского побережья Краснодарского края были переполнены. Изрядный гешефт достался и моей сети. Я бы даже сказал, что максимальный, – Гросман выдохнул. – В этом году, как раз тогда, когда начался самый пик курортного сезона, я получил весьма интересное послание.

Он взял со стола папку и протянул ее Андрису. Тот углубился в чтение. Владимир его не торопил, хотя сам все еще продолжал курсировать, меряя шагами кабинет. Причем каждый раз шагов у Гросмана выходило разное количество. И данный факт раздражал его еще больше.

– Вполне возможно, что это – провокация... – начал Андрис, откладывая папку. – Шантаж, который опирается лишь на испуг.

– Если бы, – фыркнул Гросман. – Сначала я так же подумал. Но увы... Было уже три случая, и именно в моих отелях. Сначала я получал письмо с предупреждением: там-то и тогда-то будет столько-то больных... И ровно через указанное время все написанное и происходило. Буква в букву. Как утверждают не просто рядовые врачи, а профессора-эпидемиологи, мать их за ногу, инкубационный период этого вируса – всего пару дней. А курортники, что отдыхали в моих – понимаешь, моих! – отелях обнаруживали у себя эту заразу спустя неделю пребывания. То есть цепляли они ее у меня. Пока это единичные случаи, и я постарался, чтобы информация о них не всплыла. Выплачены компенсации, мои юристы тоже подсуетились – в общем, удалось все уладить без огласки. Но, сам понимаешь, то была лишь демонстрация.

– И сей таинственный некто хочет на свой счет кругленькую сумму, чтобы отдыхающие у тебя туристы и дальше продолжили укреплять свое здоровье, а не гробить... – задумчиво произнес Андрис.

– Вот именно.

– Я посмотрел в отчетах: электронный след адресата затерялся в целом списке серверов, от французских до нигерийских. А счет, на который требуют перевести сумму, проверяли?

– В первую очередь, – обиженно, словно его пытаются учить очевидным вещам, ответил Гросман.

– И...?

– И ничего. Какая-то подставная фирма-однодневка на Галапагосских островах. Концы в воду во всех смыслах этого слова.

– Тогда остается второй след: тот, кто заражает отдыхающих... – Андрис все понял сразу же, едва прочитал первое письмо вымогателя. Он был далеко не дурак. В его прошлой профессии скорбных умом не водилось: глупцы отпраплялись на небеса быстро, качественно и с гарантией. – Ты хочешь поймать шантажиста, «на горячем»?

– Да. Через неделю будет последняя демонстрация возможностей этого анонима, после которой, если я не переведу деньги, он просто «выпустит заразу на свободу», как и выразился в своем послании. Вот тогда я буду считать убытки уже в миллиардах.

– Где?

– Отель «Бравия» с лечебным комплексом. Пять звезд, черноморское побережье, пик курортного сезона...

– Можешь не продолжать, я все понял. Меня интересует другое: путь заражения. Контакт с больным, его вещами, еда, вода?

– Два последних, – ответил Гросман, засунув руки в карманы пиджака, а затем, испытующе глянув на Андриса, спросил: – У тебя есть кто-нибудь на примете? Такой, чтобы точно справился? Я за ценой не постою...

Литовец задумчиво глянул в окно.

– Знаешь, Вов, я люблю море. С детства любил. Еще тогда, когда наши отцы служили на флоте, а мы с тобой пацанами бегали смотреть на волны, я понял, что нет лучшего места на земле, чем то, где вода шепчется с галькой. Правда, тогда море было северное, и подлодок в нем было едва ли не больше, чем крупной рыбы...

– Да уж, не удивишь салютом тех, кто видел атомный флот... – пошутил Гросман, еще не совсем понимая, куда клонит друг.

– Северное море... В нем есть свое величие и спокойствие. Оно пустынное, но этим своим безмолвием дарит умиротворение и покой, наполняет тебя собою. А вот на черноморских пляжах праздная скука. Думаю, что будет неплохо ее развеять и найти твоего таинственного шантажиста...

– Но ты в кои-то веки в отпуске. Я не думал, что...

– Вот и отдохну, – оптимистично перебил литовец. – С Люсей мы два месяца как расстались, так что я свободен словно птица. Это она грезила о Мальдивах и требовала, чтобы я взял отпуск именно летом.

– Ты так говоришь, как будто тебе, начальнику, этот самый отпуск могли не дать.

– Вообще-то три года и не давали, – усмехнулся Андрис. – Оттого моя бывшая и устроила скандал с показным хлопаньем дверьми и чемоданами. Сообщила, что уезжает к матери в Вильнюс, и если я хочу ее вернуть, то должен бросить все и мчаться за ней.

– А ты не помчался? – скорее для проформы спросил Гросман.

– Знаешь, мне кажется, что любовь – это, помимо всего прочего, взаимопонимание и уступки, причем с обеих сторон. Люся прекрасно знала, что работа для меня все. Даже больше. Но раньше ее такое положение дел устраивало, как и возможность тратить сотни тысяч с моего счета на свой шопинг, салоны красоты, отдых. А потом она захотела большего...

– Чего? – Гросман понял, что деловая часть разговора закончена и облегченно выдохнул.

Конечно, лучше было еще раз попытаться переубедить Андриса, чтобы тот не занимался его проблемой лично, а подыскал кого толкового из своих. Все же первый отпуск за три года, и опять работа... Но, с другой стороны Владимир, как делец, радовался: если за дело взялся сам Тратас, то можно считать, что проблема решена. Андрис – бывший сапер, шкурой чувявший угрозу, а ныне руководитель отдела безопасности солидного банка – перелопатит все черноморское побережье, а того говнюка, что решился шантажировать самого Гросмана, найдет.

– Чего? – Андрис со смешком повторил за другом вопрос. – Она захотела, чтобы я на ней женился. Ну, да это ерунда, многие девушки хотят подобного. Но я ненавижу, когда на меня начинают давить и угрожать. Мужчина сам должен принимать решения и сам же за них отвечать.

– Узнаю старого друга, – протянул Владимир. – Но знаешь, сдается мне, что если бы твоя Люся-Люсинда была «той самой», у тебя и мысли бы не возникло дать ей уйти. Ты бы закинул ее на плечо и потащил в ЗАГС. Даже если бы при этом она лягалась, молотила тебя по спине и вопила, чтобы ее отпустили.

Андрис фыркнул.

– Да уж, не ожидал от тебя такого... Вот так в тридцать лет и узнаешь о себе от друга много нового.

– А чего не ожидал – то? – плюхнулся в кресло Гросман и потянулся к бутылке с коньяком, чтобы разлить его по бокалам. – Просто я тебя, Тратас, знаю как облупленного. Это

внешне ты невозмутимый сноб. А внутри у тебя сидит дикий первобытный собственник, который просто не позволил бы женщине, которую считает своей, быть с другим. Схватил бы ее и утащил в свою пещеру. В свою загородную двухэтажную пещеру, или в квартиру в центре, или что там у тебя еще есть...

– Хорошо – хорошо. Я тебя понял, – Андрис потянулся за коньяком.

Раздался звон бокалов, поздравившихся своими пузатыми боками. Благородный коньяк всплеснулся, ударившись о тонкие прозрачные стенки.

Глава 1

– Ты мне больше не дочь! – истеричный крик, казалось, ввинчивался в уши, проникал под кожу, разносился по венам вместе со жгучей обидой.

Моя мать никогда не отличалась кротким нравом. Скорее даже наоборот: учитель до мозга костей, для которого главнейшая цель – воспитать, заставить запомнить. И эту свою привычку она не оставляла на работе. Увы, и дома каждый день я чувствовала контроль.

«Ты должна», «так нельзя», «не позорь меня» – подобные слова преследовали постоянно, звучали в ушах набатом. Любой проступок, оплошность заканчивались порицанием и часовой отповедью. Нет, руки на меня мать никогда не поднимала, считая сие непедagogичным. Но иногда мне казалось, что ее слова больнее любых оплеух.

Самое печальное было то, что все это Айза Каримовна, она же моя мать, делала с благой целью – воспитать из меня «хорошего человека». Она и отца пробовала «воспитать». Только тот, увы, оказался двоечником в дисциплинах, которые должны изучить люди, чтобы стать «хорошими». Он сбежал от нас, когда мне было семь. Оставил мне на прощание свою необычную музыкальную фамилию, старую черно-белую фотографию из ЗАГСА, где они с мамой еще молодые и почти счастливые, и горечь вкуса жи. В свои семь я узнала, каково это, когда предают.

Отец ушел за новой, счастливой жизнью к той, которая не пыталась его «воспитывать» и кроить под себя, а принимала таким, какой он есть.

Я осталась с мамой, которая удвоила усилия по моей муштре. Как итог – я в свои семнадцать лет круглая отличница, серая, невзрачная, с очками на носу и косою до середины спины. Зато мама мной гордилась: как же, в школе, где она работает, я единственная золотая медальстка в выпуске этого года.

Мать рассчитывала, что я пойду по ее стопам. Даже не сомневалась, что и аттестат, и результаты экзаменов понесу в педагогический. Продолжу славную династию учителей. И вот сейчас, узнав, что я уезжаю поступать в другой город, она в сердцах высказывала все, что думает о такой неблагодарной дочери, не стесняясь в выражениях:

– Я ночей не спала, все для тебя... Да у меня из-за тебя ничего не было. Ничего. Ни личной жизни, ни счастья. Ты – неблагодарная тварь. Выродок своего отца!

– Моего отца ты выбирала сама. Никто замуж не гнал, – наверное, в первый раз я говорила с ней так. Жестко, на равных. Ставя перед фактом.

Мой выбор. Моя жизнь. И я чувствовала, что если сейчас не уйду, не сбегу, как в свое время отец, то и дальше буду только существовать, воплощая ее амбиции. Это она, не я, мечтала о золотой медали, о всех тех победах на олимпиадах по физике, которые я одержала.

В глубине души я любила свою мать, как и она, по-своему, меня. Но сильнее этой любви было желание вырваться. Совершать свои ошибки, а не быть тем, кого психологи называют умным термином «инструмент для самореализации».

– У тебя ничего не получится. Большой город выплюнет тебя. Даже если и поступишь бесплатно, на что будешь жить? – мать попыталась надавить на последний рычаг – финансы.

Я лишь сцепила зубы, поправила ремень сумки на плече и шагнула за порог.

Признаться, чего-то подобного я и ожидала, только не думала, что будет так больно от материнских слов.

Не плакать, только не плакать.

Все-таки я разрыдалась. Завернула за угол дома, села на лавку. По щекам текли слезы. Июльское солнце, несмотря на ранний час уже палило всю, обещая очередной день зноя и раскаленного асфальта.

– Скандалила? – рядом со мной на скамейку присела Ленка – подруга детства, того времени, когда я еще не знала, что такое предательство.

– Да, – я шмыгнула носом и поправила очки.

– Ты все равно молодец, – подруга сжала мою ладонь в ободряющем жесте. – А Айза Каримовна остынет, будет еще извиняться...

Я про себя лишь усмехнулась. Увы, я свою мать знала очень хорошо. Моя родительница была из породы тех людей, кто априори прав и непогрешим, даже если ошибается.

– Я, пожалуй, пойду.

– У тебя поезд когда? Может, к нам заглянешь, посидишь перед отъездом? У меня ба знаешь какие пирожки напекла... У-у-у... Вкуснющие, с вишней.

– Нет, не стоит. Через два часа отправление. Лучше на вокзале... – я старалась выглядеть невозмутимой, хотя внутри меня всю буквально колотило и выворачивало.

– Тогда я тебя провожу, – Ленка решительно встала со скамейки.

Я попыталась улыбнуться. Все же я была безумно благодарна подруге, что она поддерживала меня. Не только сейчас, но и все то время, что я себя помню. Сумасбродная Ленка Кропотова, круглая, как колобок, – и рассудительная я, Катя Скрипка, высокая и худая. В шутку нас даже прозвали Марти и Мелманом, как жирафа и зебру из мультика «Мадагаскар».

Когда мы приехали на вокзал, Ленка упорно возжелала меня посадить в автобус и дожидаться отправления.

– Только платочком белым вслед не маши, – усмехнулась я.

– Не буду, – заверила она, а потом, открыв сумочку, что-то старательно начала в ней искать.

Сейчас вытащит большой клетчатый носовик и заявит, что это ни разу не беленький платочек, оттого им махать можно. Но нет, Ленка выудила купюры.

– Бери, – она решительно протянула мне деньги. – Бери, иначе смертельно обижусь. Это не только от меня, но и от всей нашей семьи. Даже братец Шурик сюда свою лепту внес.

Мне было стыдно. И хотя у меня самой в кошельке денег кот наплакал – все, что удалось скопить за месяц работы курьером (причем подрабатывала я втайне от матери, которая считала, что я в это время усердно штудирую пособия для абитуриентов), – но брать вот так...

– Думаешь, что я тебе просто так даю? – с подозрительным прищуром начала Ленка, тряхнув своей русой челкой, – А вот и нет! Отдашь через год, когда станешь столичной студенткой-второкурсницей.

Я нерешительно протянула руку, отчетливо понимая: иду на сделку с собственной совестью. И тут механический голос мегафона возвестил:

– Посадка на рейс сто сорок семь начнется через десять минут с пятнадцатой платформы. Повторяю. Посадка...

– Ну, давай, – Ленка похлопала меня по плечу, – пошли.

Я села в автобус. Лишь когда дверь икаруса медленно затворилась, и автобус тронулся, я осознала: вот сейчас и начинается она, моя взрослая жизнь. Только в отличие от большинства своих сверстниц иллюзий на ее счет я не питала.

* * *

Три года спустя

– Скрипка, когда мне ждате вашу лабораторную? – Самуил Яковлевич, профессор, окликнул меня после окончания пары, заставив задержаться в кабинете.

Я седила зевком в кулак. Сегодня ночью спала всего ничего – меньше часа. А все оттого, что усердно чертила. Причем не себе, а одногруппнику Веньке – разгильдяю и балагуру, люби-

телю тусовок и обладателю шестой бэхи. Но, несмотря на свое наплевательское отношение к учебе, мою работу Веник оплачивал исправно. Вот и сейчас деньги, которые он мне утром передал за выполненный заказ, позволят не только купить платье на лето, но и обеспечат две недели вполне сносных завтраков и ужинов. Правда, из каши или овощного супа... «Зато не растолстею», – утешила я себя. Хотя добреть мне и так было не с чего.

Кто-то скажет, что брать деньги с одноклассников – низко и мелко. Что ж... Значит, у этого кого-то нет постоянной острой нехватки денег. А у меня, увы, такое финансовое положение, что я борюсь за каждый макарошек в кастрюле.

– Так когда вы сдадите мне лабораторную? – напомнил о себе Самуил Яковлевич.

– При следующем занятии, – на честном глазу заверила я преподавателя.

Тот хмыкнул и покачал головой:

– Смотрите сами, оно последнее в этом полугодии. А до сессии я вас без сданной лабораторной при всем желании допустить не смогу...

Такие люди, как Самуил Яковлевич, вызывали у меня невольное уважение. Может оттого, что исповедовали совершенно иную методику преподавания, в отличие от моей матери. Не «ты должен», а «тебе выбирать». Да и сама манера общения преподавателя не могла не импонировать.

Он никогда не «тыкал». Всегда на «вы» даже с желторотыми вчерашними абитуриентами. Хотя сам лектор – мужчина седой, грузный, с окладистой бородой и изрядным брюшком – был уже не в первый раз дедушкой: такому не зазорно на «ты» и к Гендальфу обратиться. Но, как признался один раз сам преподаватель, у него никогда и в мыслях не было сказать студенту, да и не только студенту, а кому бы то ни было, – «ты», если его собеседник не мог ответить ему тем же.

– Я обязательно ... – начала было оправдываться.

Мне всегда было неудобно за свои «хвосты» перед Самуилом Яковлевичем, вдвойне оттого, что теорию автоматического управления я знала. И он тоже был в курсе, что я в его предмете разбираюсь. Иногда мне даже казалось, что преподаватель догадывался и о моих «кальмах», но тактично молчал. Даже тогда, когда видел, что чертежи структурных и функциональных схем у разных студентов явно выполнены одной рукой. Он лишь усмехался в свою курчавую густую бороду и принимал работу. А потом на зачете с такой же милой улыбкой мог пытаться дополнительными вопросами до посинения, выявляя, кто купил допуск, а кто действительно разбирается в предмете.

Из-за того, что другим я делала наперед, а себя задвигала в самый конец, и выходило, что сдавала зачастую все накопившиеся долги в последние дни перед сессией. Многие преподаватели лишь качали головой, сетовали, что вроде я девушка не глупая. Пеняли: в следующий раз не успею и пролечу с допуском, а там, глядишь, и со стипендией. Но все же практикумы и лабораторные принимали исправно.

Хотя у всякого правила бывает исключение. Такое случилось и у нашей группы. У всей сразу. Звали его Моджахедовна. Вернее, по документам именуемая Анна Леонидовна – дама, которой пора бы быть далеко за мадам, но по факту являющейся все еще мадемуазель. Отсюда и все супербонусы, которыми обладает классическая старая дева: вздорный характер, перепады настроения и полное отсутствие четко выраженной позиции. Иногда мне казалось, что эта последняя особенность характера: когда юная фройляйн мечется, выбирает и никак не может определиться – и есть основная причина, по которой наша Моджахедовна не перешла в статус фрау, дожив до седых волос. А потому у такой одинокой старушки и обнаружались неиспользованные тонны желчи и дотошности, которые она, за отсутствием супруга, и выплескивала на бедных студентов.

А если еще учесть, что преподавала сея дама почтенных лет философию – предмет необычайно нужный для будущих специалистов управления и информатики в технических

системах, то масштаб того места, которое является радаром приключений, становился в разы больше. И не то, чтобы студенты ФИВТа были совсем уж далеки от тонких душевных материй, но Анна Леонидовна свято веровала, что философия – предмет, нуждающийся в самом трепетном отношении и скрупулёзном изучении. В итоге страдали все: и студенты, которые никак не могли проникнуться мудростью Фомы Аквинского и Канта; и Моджахедовна от нашей, как она выражалась, «дури»; и, собственно, сам предмет философия, дружно проклинаясь нерадивыми адептами ФИВТа.

К слову, отчего Моджахедовна получила свое прозвище: ее коллоквиумы напоминали хождение по минному полю. Одно неверное слово – и... Анна Леонидовна превращала юные студенческие мозги в фарш безо всякой анестезии.

– Идите, Катерина, – вернул меня в реальность голос Самуила Яковлевича, – и помните, вы обещали.

Я лишь благодарно кивнула и, закинув на плечо ремешок от сумки, поспешила в коридор. Следующие пары были в другом корпусе. Надо спешить. Радовало лишь то, что сейчас на улице тепло, даже не просто тепло, а жарко. Не надо тратить времени, упаковываясь капустой в куртку – шапку – шарф, да еще и стоять очередь в гардеробе, чтобы их добыть. Нет, сейчас все гораздо проще – выбежать на крыльцо и легкой рысью стартовать до пятого корпуса, благо он через дорогу.

Успела я как раз вовремя. Едва зашла в аудиторию и приземлилась за парту, как прозвонил звонок.

– Чего Яковлевич хотел? – скорее для проформы поинтересовался мой сосед Сашка.

– Как всегда, напоминал о крайнем сроке сдачи.

– А, это он любит, – понимающе протянул одноклассник.

Но тут хлопнула дверь, оповещая о том, что в аудитории появилась та самая Анна Леонидовна. Я мысленно перекрестилась. Сашка вздрогнул. Апокалипсис начался.

Моджахедовна обвела цепким взглядом нашу группу, наверняка не просто отмечая в памяти, а запоминая имена прогульщиков навечно. К слову, таковых было всего двое: Венька (ему многое в вузе было по барабану и по блату) и Карина – девушка, которой по причине скорого обретения счастья материнства простились многие.

Преподавательница поджала губы, открыла свой конспект и стала диктовать сухим менторским тоном. Время от времени она отшвартовывалась от кафедры и величественным кораблем плыла меж парт, занятых преимущественно парнями. Девушек в нашей группе, помимо меня и беременной Карины, было всего трое. И отчего-то Моджахедовна любила отрываться именно на нас, задавая вопросы покавернее. Похоже, чувство женской солидарности у Анны Леонидовны отвалилось вместе с пуповиной.

Ее пара выматывала меня почище, чем пять часов, которые я проводила надраивая машины на автомойке. Увы, денег за чертежи и расчёты, которые я делала накануне сессии, и стипендии катастрофически не хватало. Потому я три раза в неделю рьяно мыла и пылесосила. Благо пока здоровья хватало выдержать эту гонку. Но это сейчас, а что будет на четвертом курсе – я боялась даже загадывать. Точно знала одно: буду царапаться до последнего, но обратно в свой городок не вернусь.

Моя мать, которая придерживалась в жизни принципа: главное вовремя обидеться, – извиняться за резкие слова не спешила. Она даже не звонила. Лишь два раза в год присылала смски: на мой День рождения и на Новый год. Видимо, считала, что блудная дочь должна каяться первой и вымаливать у нее прощение.

Я отвечала ей тем же. А поскольку приступами эпистолярного вдохновения не страдала, то и мои сообщения были длиной в пару предложений и тоже прилетали абоненту «мама» два раза в год.

В общем, у нас установился нейтралитет.

Наконец, лекция Моджахедовны закончилась, и я смогла с облегчением выдохнуть. Сегодня эта пара была последней. Можно забежать в общежитие, переодеться, перехватить овсянки из пакетика и часика два поспать. А потом – ноги в руки и на мойку.

Совість напомнила, что я еще обещала лабораторную Самуилу Яковлевичу. Вздохнула и вычеркнула из мысленного списка дел сон. Два часа – их как раз должно хватить на то, чтобы успеть все решить и завтра не пришлось бы краснеть перед преподавателем.

Спустя три часа я подходила к автомойке в состоянии вполне счастливого трупа: лабораторную я все же сделала, зато организм включил полный автопилот.

До девяти вечера этот самый автопилот работал вполне исправно, но потом меня вдруг переклинило, и я умудрилась направить пенную струю прямо в салон дорожного авто.

Повезло, что сиденья были кожаные. Я бросилась их протирать. Мой напарник, Стас – мужик с туманным прошлым и проспиритованным будущим, без слов кинулся мне помогать. И все бы ничего, но хозяйка иномарки заметила...

Она завывала так, что пожарная сирена показалась мне тихой песней соловья. Я успела ликвидировать все последствия к тому моменту, как гламурка добралась до нас со Стасом. Напарник на чистом глазу заявил, что «дамочке показалось».

Но «дамочка» вопила и тыкала в меня пальцем, требуя позвать начальство. Последнее, учуяв скандал, как фининспекторы – флер двойной бухгалтерии, тут же материализовалось. Даже звать не пришлось. Менеджер тут же залебезил, полез самолично проверять салон, но, на удивление, обнаружив капельки воды на коврик, незаметно стер их. А выбравшись из иномарки, стал заверять, что ничего такого там нет. А что воздух в салоне сыроват, и кожа на сиденьях влажно блестит – так это новейший метод уборки, специально для аллергиков и тех, кто заботится о своем здоровье. Очищение не только от пыли, но и микроскопической грязи.

В итоге, менеджер умудрился навешать блондинистой «дамочке» и ее подруге, прицокавшей чуть позже, столько лапши, что хватило бы накормить роту китайцев. Правда, при этом мне показали из – за спины кулак... Ну, да ладно. Главное, что не сдали на растерзание гламурным курицам, у которых на лице крупными буквами написано: машину мне подарили, права тоже, а вот мозги забыли.

Две цацы уже уплывали от нас, взятые под локоток менеджером, когда одна из них обернулась.

– Марика, смотри, а очкастая на тебя похожа, ну как две капли воды.

– Леся, думай иногда, о чем говоришь! Где я, и где эта мышь... Да у меня одного шарма два килограмма, – и блондинка выразительно поправила свою грудь.

А я и не знала, что харизму нынче отвешивают в силиконе.

– Нет, Марика, я конечно не спорю, что ты красотка и все такое... Но ты с этой косоруккой мысленно очочки сними, волосики подраспусти, буфера приставь... Ну?

– К чему ты клонишь? – хозяйка авто даже остановилась и притопнула каблучком. При чем сделала это столь резко, что менеджер, дышавший ей под мышку, мотанулся на манер карманной собачки, которую дернули за поводок.

– Ну, ты же сама говорила, что мечтаешь о двойнике: а то Ашот с его ревностью...

– Леся, лишнее болтаешь, – блондинка зло стрельнула глазами, а потом демонстративно отвернулась к менеджеру и преувеличенно ласковым тоном осведомилась: – Так что вы говорили про новую систему чистки салона?

«А эта обесцвеченная красотка вовсе не так проста, как кажется», – успела подумать я, прежде чем меня окликнул напарник:

– Чего встала? – давай заканчиваем с этим полноприводным мордovorотом. У нас по записи следующая через пять минут.

Я плюнула, выкинула из головы двух силикононосных дев и остервенело заработала тряпкой.

Оставшийся час пролетел незаметно. Менеджер меня, конечно, отчитал, даже штрафанул на половину сегодняшнего заработка, но на том и успокоился. На мой же вопрос: «Отчего не сдали?», он лишь устало махнул рукой, но потом все же соизволил пояснить.

Если бы он согласился с воплем гламурной красотки, то в итоге имел бы слух, что на «Посейдоне» авто моют абы как, и могут и вовсе уделать так, что мама не горюй. Но сейчас, когда он убедил этих двух клиенток (которые, чую, у него самого сидели в печенках) что им померещилось, то умудрился выжать из ситуации даже профит. На слова «эксклюзивность», «новейшие» и «только у нас и исключительно для вас» велись не только крашенные красотки. И не только велись, но и приводили друзей с собою.

Я же еще раз убедилась, что менеджер «Посейдона» не зря получает свою зарплату и регулярно требует от начальства повышения. Такого специалиста (и фуфловтюха) хозяевам автомойки еще поискать: этот администратор был явно на своем месте.

Когда я вышла с автомойки и направилась к общежитию, на выезде меня поджидала уже знакомая машина. Та самая, которую я умудрилась обдать пеной и снаружи, и изнутри.

Предупреждающе хищно мигнули фары, а я начала прикидывать: в какую сторону лучше дать деру. Вот же злопамятная блондинистая зараза попалась!

Не поверила, видимо, рассказам менеджера.

Спортивная сумка оттягивала мое плечо: это я взяла постирать униформу. С такой поклажей проще будет сигануть через невысокую металлическую ограду. Блондинка не будет портить морду своей иномарке, пытаясь протаранить препятствие, а на своих шпильках она меня фиг догонит.

Мне же, с моим ростом, ничего не стоит сначала причесать клумбу, за ней и газон, а потом вовсе вылететь с другой стороны улицы и, ввинтившись в людской поток, нырнуть в прожорливое чрево метро.

В общем, я не стала ждать, пока гламурка начнет вершить самосуд, давя меня своим бульдозером, развернулась и уже готова была стартовать, когда дверь джипа распахнулась, и выскочившая оттуда дева заорала:

– Постой, надо поговорить!

«Нашла дуру», – мысленно ответила я ей и перемахнула через забор.

Вслед мне понеслось:

– Держи ее! – заголосила подруга хозяйки авто, Леся, кажется.

Видимо, тоже выбралась на улицу из салона машины.

– Меня в детстве даже акушерка задержать не смогла! – все же я обернулась через плечо.

Не зря я это сделала. Картина стояла того, чтобы ее увидели. Две красотки модельной внешности, на высоченных каблуках и в коротеньких платьях, неслись следом за мной, вспахивая почвогрунт, выкорчёвывая цветы и просто бороня клумбу, над которой с мая месяца трудился мой напарник Стас.

Эти кобыл... кокетки вопили наперебой:

– Да подожди ты!

– Я тебе денег заплачу!

– Мы все равно тебя найдем на этой автомойке!

Я лишь поразилась наивности: перемежать угрозы и посулы, думая, что я куплюсь на вторые, забыв о первых? Не надо делать из меня глупую девочку!

Я припустила во всю прыть. Хозяйка авто – за мной. Но самое удивительное то, что блондинка Марика меня нагоняла. Она что, олимпийская чемпионка в забегах на короткие дистанции на шпильках? Иначе как объяснить то, что гламурная орысина догнала-таки и, в прыжке упав на меня, повалила на землю. Причем это в тот миг, когда мне оставалось всего ничего – перемахнуть через ограду и чесать уже по вполне пригодному для бега в кроссовках тро-

туару. Увы, упала я неудачно, ударившись головой о крупный кусок щебенки, который откуда-то взялся на газоне. Результатом стала потеря сознания.

В себя пришла под истеричный мат преследовательниц. Не открывая глаз, постаралась прислушаться к ощущениям. Спине было относительно мягко и весьма прохладно, под ладонями чувствовалась щетина влажной скошенной травы. Судя по всему, я все еще лежала на газоне.

– Может, оставим ее, как есть, а сами уедем?

– А если она уже труп? Получается – это я ее убила?

– Марика, даже если так. Это был несчастный случай, самооборона. Да твой Ашот наймет лучших адвокатов и тебя отмажут.

– Сначала мне нужно будет объяснить ему, на кой черт я погналась и напала на девку, которая столь на меня похожа...

– Мне тоже это жутко интересно, – замогильным голосом простонала я, открывая глаза. Все, что могли, мне эти две ненормальные уже сделали. А раз сейчас сами боятся и паникуют – самое время воспользоваться ситуацией.

Девочки заорали и отпрыгнули от меня. Я же скривилась от боли: в голове шумело, а меня саму штормило. Причем, последнее – вполне возможно не из-за падения, а от банального недосыпа.

Эти же две особи, потерявшие не только часть здравого смысла, но и, кажется, пару звеньев ДНК, устали на меня, как на воскресшего покойника.

Впрочем, хозяйка авто пришла в себя вполне быстро.

– Ты жива. Отлично, – она как – то слишком пристально посмотрела на меня, склонив голову набок, как овчарка, а потом выдала: – У меня к тебе есть деловое предложение.

– Я голодная, злая и с шишкой на башке, поэтому мой ответ: «нет», – прошипела я, вставая.

Только полностью выпрямившись, поняла: мы с Марикой, когда она стояла, утопив свои шпильки в грунт, оказались одного роста.

– Тоже волейболистка? – зачем-то спросила блондинка.

– В отличие от тебя, нет, – я повела ушибленным плечом. Все же здорово эта Марика меня приложила.

– Как узнала? Ну, что я когда – то спортом занималась... – опешила блондинка.

– Просто почувствовала себя мячом на подаче из аута в аут.

– Итак, убогая, Марика хотела тебе предложить сделку, от которой ты получишь выгоду, причем немалую. Тебе, чтобы такие деньги заработать самой, полгода надо будет на мойке ишачить с утра до ночи, – это в нашу милую девичью беседу с бывшей спортсменкой, а ныне девицей явно околумодельной профессии, вклинилась ее подруга.

– Заманчиво. И кого нужно убить? Или самой умереть?

В легкие и безопасные деньги я не верила даже больше, чем в прощающих долги коллекторов.

– Никого, – Марика сдула упавшую на лоб прядь. – Только отдохнуть на морском курорте. Полежать, расслабиться, подышать морским воздухом.

Я скептически приподняла бровь.

Очки дезертировали с моего носа еще при падении, поэтому сейчас я лицезрела двух красоток лишь в общих чертах. Минус четыре – тот порог, при котором днем порою можешь обходиться без очков, а вечером чувствуешь себя беспомощной.

Вот и сейчас, когда оказалась без них, то неуверенность начала навязчиво давить на сознание. Единственное средство, которое я знала от данной своей напасти – ехидство. Потому слова вырвались сами собой:

– Ну, предположим, намотать солёную селедку на вентилятор и полежать на кровати я и у себя дома могу...

– А если к этой селедке прибавить лазурный пляж, солнце, отель класса люкс? Тоже сама сможешь? – ехидно осведомилась Марика.

Я же, озирающаяся вокруг, наконец-то увидела свои очки. Наклонилась и подняла. Увы, одно стекло треснуло. Но я все равно водрузила их себе на нос.

– Здесь дело не в том, смогу ли я, а зачем это нужно тебе? – с любопытством спросила я, решив, что раз наше знакомство оказалось весьма стремительным и близким, выкатить Марике, будь она хоть сто раз VIP-клиентка автомойки, мне уже не резон.

– А вот это уже другой разговор... – довольно улыбнулась та.

Слово за слово, выяснилось, что Марика, а по паспорту Марина Богомолова, давно мечтала отдохнуть без пристального контроля. Съездить «к бабуле в деревню», как она сама это называла.

Хотя, подозреваю, что у сей бабули была нехилая такая игрек хромосома в ДНК, кадык и прочие прелести в виде накачанных бицепсов и что там еще полагается любовникам скучающих девушек, обремененных деньгами.

Вот только незадача. Ашот – спонсор красавицы и строительный магнат, никак не мог смириться с тем, что его кошечка хочет разбавить свою тоску ходячим ведром тестостерона. Потому, если и покупал тур своей содержанке, то непременно сообщал, что за ее «облико морале» на курорте будут тайно следить его люди.

А к бабуле на выгул Ашот (уже стареющий, но не потерявший тяги к процессу размножения) без бдительного ока своих секьюрити красавицу Марику и вовсе не отпускал. В общем, как всякий бойфренд слегка ревновал, и как всякий спонсор желал единолично делать вложения в свое предприятие по фамилии Богомолова. И уж тем более не жаждал делить прибыль от проекта «Марика» со всякими сомнительными аферистами, которые свой «ваучер» так и норовят по-тихому всунуть «в акционный пакет», пока главный учредитель отвлекся на другие «выгодные сделки».

А блондинке хотелось страсти... в смысле, страстно хотелось повидать старушку, которая жила одна-одинешенька в деревне. Но чем сильнее разливалась соловьем Марика о своих чувствах к родственнице, тем больше я убеждалась: ей захотелось гульнуть с размахом, но было страшно спонсорского гнева.

Впрочем, эту беседу, которая продлилась далеко за полночь, мы вели уже не на газоне, а в джипе. Я хрупала картошкой фри, закусывала гамбургером из «Макдака», которые мне купила Марика (все же должна я получить хотя бы гастрономическую компенсацию за нападение и разбитые очки?) и слушала историю бедной и несчастной внучки.

– Тебе всего-то и надо понежиться на курорте, изображая меня. Единственное условие – ни с кем романов не крутить. Ашот будет доволен, что его кошечка вела себя как послушная девочка, а я смогу навестить бабулю. А то мой милый пусик ее отчего-то терпеть не может и даже слышать о ней ничего не хочет... – закончила она столь слащавым тоном, что я почувствовала, как зубы увязли не в гамбургере, а в патоке ее слов. Срочно захотелось простой воды, чтобы запить эту порцию розовой ванили.

В салоне машины повисла пауза. Если Марика рассчитывала, что я кинусь ей на шею с криком: «Да, конечно!» она крупно ошиблась. Я жевала гамбургер и размышляя, как не вляпаться в неприятности.

– Ну, так ты мне можешь? – не выдержала блондинка.

– У меня есть время подумать?

– Да что тут думать! – вспылила ее подруга. – Тебе такой шанс выпал.

– Шансы при своем падении могут больно ударить по голове и по бюджету... – не осталась в долгу я.

– Так бы сразу и сказала, что еще и денег хочешь, – из голоса Марики тут же исчезла вся карамельная сладость. – Получишь тысячу баксов, как только вернешься с курорта.

Сумма меня впечатлила. Впрочем, не только она.

– Если соглашусь, то одного природного сходства мало, – я выразительно глянула на блондинку.

– Ерунда, – отмахнулась та. – Два дня в салоне красоты, мои шмотки, и посторонний нас не отличит.

– Пока взгляд на вырез платья не опустит, – я хрумкала картошкой, желудок радостно урчал. И вообще, моя нирвана шаталась где-то рядом, обещая скорое свидание. Оттого даже подколка вышла какой-то благодушной, что ли.

– Пуш ап решает все! Главное, в бикини не ходи, только закрытый купальник.

Я сыто сощурилась, глянув на столь смелое декольте, что наклонись Марика пониже, и через него можно будет увидеть край ее чулок. У блондинки точно не этот самый пуш ап, а все, так сказать, внутривенное и подкожное.

Меж тем Марика, не подозревая о моих мыслях, вещала:

– Что же до очков... Линзы. Десять дней походишь в них.

– А где и когда должен состояться сей незабываемый отдых? – я все еще прикидывала, стоит ли ввязываться в сомнительную авантюру.

– Через две недели. Отель класса люкс. Черноморское побережье, – отчего-то на последних словах Марика скривилась.

– Ашот что, пожмотился на границу? – по вопросу подруги я поняла, почему блондинка скорчила такую мину.

– Пусик утверждает, что так ему за меня спокойнее... – протянула моя потенциальная нанимательница.

– А-а-а-а, – глубокомысленно отозвалась Леся.

И тут встряла я:

– Через две недели не могу. Разве что через три.

«У меня сессия», – решила не уточнять.

Марика надулась, но потом, словно делая мне великое одолжение, произнесла:

– Хорошо, три.

И все же мы договорились на том, что свое окончательное решение я озвучу завтра. Марика дала мне свой номер, взамен затребовала мой. Причем последний пришлось не продиктовать, а сделать дозвон.

У меня на языке вертелся еще один вопрос, но я решила задать его блондинке при нашем следующем разговоре.

Когда меня высадили из джипа у закрытых дверей общежития, над городом уже просыпался новый день.

Я села на лавочку. Мне надо было основательно подумать. Точно ли цель сей аферы – прикрыть поход красотки налево от спонсора, а не обеспечить, например, ей алиби? Я поизображаю на курорте отдыхающую, а Марика в это время станет перспективной вдовушкой?

Помотала головой. Бред. Но потом здоровое чувство цинизма начало точить изнутри, как ржа железо: а вдруг не бред... Я вертела в уме это уравнение с тремя неизвестными: Марика — Ашот — любовник, прикидывая, как бы поизящнее его решить.

К шести часам утра у меня был готов план, он же – моя страховка на случай, если роль подсадной утки окажется для меня опаснее, чем расписывала любвеобильная блондинка.

Порог своей комнаты я перешагнула ровно в шесть утра. Спать хотелось зверски, но, увы, упасть в горизонталь и сразу же вырубиться мне помешала одна причина. Сорокавосемькилограммовая причина, в душе которой была целая тонна еще нерастраченного беспокойства.

Моя соседка Женька, вечно сидящая на всевозможных диетах и никак не желающая поверить, что кости уже не худеют, накинулась на меня с порога.

В ее речи перемежались упреки, угрозы поколотить бездушную меня в следующий раз, когда я решу не приходиться ночевать и не брать трубку, радость, что я все еще живая... В этом была вся Женька. Но за то она и была мне дорога: за ее искренность.

– Слушай, я же не кидаюсь на тебя с порога, когда ты к своему Маску ходишь на ночёвки? – я отчаянно терла глаза.

– Так то к парню, – как само собой разумеющееся, будто с малым дитем разговаривает, ответила Женька. – А я в курсе, что у тебя его нет. После второго курса тебя же, Кать, как отрезало от этого дела. А с таким наплевательским к себе отношением... Парни не тараканы, просто так не заводятся. Они на ярких и красивых клюют, как как рыба на блесну.

Я слушала сбивчивую речь вполуха, понимая, что если Женька начала учить меня как жить, значит, уже отошла, и гроза миновала. Украдкой глянула на телефон. Оказывается, вчера я поставила его на беззвучный режим и забыла. От подруги было аж двадцать три пропущенных.

Стало совестно. Но, тем не менее, спастись хотелось сильнее, чем заниматься самобичеванием, потому я упала на свою постель с фразой:

– Через час потыкай в меня палочкой. Если не очнусь, значит я труп.

– Тогда, чтобы ты воскресла, для тыканья лучше взять палочку сырокопченой, – пробурчала себе под нос Женька и больше приставать с расспросами не стала. Пока не стала.

Зная ее настырный характер, я могла поспорить на свою стипендию, что подруга еще вынет из меня всю душу, не хуже сыщика выпрашивая, где, с кем и как я провела эту ночь. И ведь не успокоится, пока не выведает все, вплоть до рисунка протектора шин того джипа, который я залила пеной. Но это будет потом, а сейчас Женька дала мне возможность поспать, за что я ей была безумно благодарна.

Пробуждение вышло столь тяжелым, что, казалось, проще сдохнуть и не мучаться, чем попытаться встать.

– Держи, – Женька тут же сунула мне под нос чашку с крепким кофе. – У тебя через полчаса первая пара начинается.

Я постаралась собрать мозги в кучу. Так, сегодня предпоследний день занятий. А это значит, что на горизонте намечается Вадик. Вернее, Вадим Аркадиевич, как гордо значилось имя аспиранта в списке преподавательского состава. Этот младший научный сотрудник, красавец, умница, к тому же небедный (родители могли позволить своему отпрыску и восьмой айфон, и тойоту ленд крузер) был мечтой едва ли не половины студенток ФИВТа, а то и всего универа. Вот только знала я этого говнюка еще и с подветренной стороны.

На втором курсе меня не миновала судьба большинства влюбленных дурочек нашего факультета: я запала на Вадима. Даже не так. Я втрескалась по уши, с полной самоотдачей. Нет, преследовать не преследовала, томно тоже не вздыхала, но, видимо, столь пристально провожала взглядом этого блондина, что он обратил на меня свое царственное внимание.

А я... Я не поверила собственному счастью и спустя неделю ухаживаний вывесила белый флаг. Как оказалось, то, что для меня было переломным моментом в жизни, для красавца аспиранта стало пакетиком семечек.

Просто он поспорил с друзьями, что раскрутит серую мышь второкурсницу на горизонтальные отношения так же легко, как словит лайк за новую аву.

Почти так оно и вышло, только с поправкой, что спор Вадик все же проиграл: я сдалась чуть позже заявленного срока. Но этот чемпион сексуальных стометровок хоть и профукал крайний срок пари, из спортивного интереса решил уложить меня на две лопатки и сделал это. После чего гордо прицепил очередную бусину на свой браслет.

Правда, об особенностях Вадика вести таким образом учет постельных побед я узнала гораздо позже. А сначала лишь удивлялась: зачем парню носить на запястье тонкий ремешок с тремя десятками разноцветных бусин?

В итоге после того, как этот трахоголик уложил Катю Скрипку на кровать, ей тактично указали на дверь. Правда, перед этим подарили дорогие серьги. Отступные, мать их.

Сначала я просто хотела затолкать украшение в глотку белобрысой сволочи, но потом остыла. Ппрокляла Вадика, чтобы ему всю жизнь только на Бейсике и Паскале кодилась, и ни одна прога без багов ни разу не работала и... заложила серьги в ломбарде. Увы, проза жизни способна гнуть в бараний рог даже великие чувства, такие как ненависть или любовь. Я же, жившая в перманентном безденежье, поняла: даже если брошу коробочку с серьгами в лицо этому паразиту... Ну что изменится с того? Он извинится и раскается? Да скорее Стив Джобс воскреснет, чем Вадик усомнится.

Да даже если бы я обложила Вадика по всем терминам анатомического атласа и вернула подарок. Мне бы стало легче? На короткое время – да. Ну, может, и не на совсем короткое. А что дальше?

В результате получилось то, что получилось: серьги с бриллиантами сейчас наверняка оттягивают какие-нибудь богатые уши, ребята из детского дома радуются новым игрушкам и одежде, а я... Я бы, наверное, отдала все, что выручила с заложенных украшений, но, сцепив зубы, разделила сумму ровно пополам. Потому что мне позарез нужен был для учёбы ноутбук.

Моя родительница мне ни за что бы не помогла. Заработать такую приличную сумму сама я была не в состоянии, а программы, да и чертежи электронные, творимые в скутчапе, тоже на телефоне не сделаешь.

К тому же мой китайский смартфон был простеньким. Его мне в свое время на день рождения подарила закадычная подруга Ленка. Нашла на авито объявление, в котором парень продавал старый андроид за символическую сумму. Она еще извинялась за то, что презент «не новый» и «совсем скромный», но смартфон казался мне офигенно крутым после кнопочного кирпичика.

В школе одноклассники щеголяли вполне современными мобильными. И пусть те были не с изображением погрызенного яблока на корпусе, а надписями мейзуи и хаоми, но зато сенсорные. А я тыкала в монохромник сименса, и мне было стыдно: это если как все ходят в столовую на завтрак, а я достаю принесенную из дома баночку с пельменями. Моя мать считала, что телефон должен выполнять лишь одну функцию – разговорную, а все остальное – роскошь и излишества. Ее дочери не следует привыкать к глупому транжирству.

В общем, я была до визга рада подарку лучшей школьной подруги, но, увы, простенький андроид учебную нагрузку вытянуть не мог. Зато смог ноутбук, стоимость которого равнялась ровно одной сережке с бриллиантом. Не сказать, что он был какой-то сверхнавороченный, скорее трудолюбивая рабочая лошадка. Но такой комп меня вполне устраивал. Правда, его, в отличие от подаренного Ленкой смартфона, я полюбить так и не сумела.

Да, была у меня одна особенность, а точнее – шиза, как емко выражалась Женька. Я к технике относилась словно к чему-то живому. Могла злиться на застрявший лифт, или обратиться к электрическому чайнику, который все никак не закипал, в духе «совесть поимей, так время тянуть». Холодильник (который, к слову, привезли еще год назад родители Женьки) я нежно любила, а вот ноутбук... Для меня эта вещь навсегда осталась без души.

Впрочем, как и тот, кто стал причиной появления в моей жизни компа. Вадика я тоже про себя величала бездушным. А когда полгода назад оказалось, что Вадим Аркадьевич будет вести у нас практикумы, то чуть не взвыла. Серьезно подумывала перевестись на другую специальность, но не было никакой гарантии, что и там нос к носу не столкнусь с бывшим.

Но бывший сделал вид, что мы незнакомы. Я посчитала за лучшее поддержать его игру. Как итог: он исправно принимал у меня все лабы и даже ни разу не подгадил.

А вот сегодня у нас стояла его пара. И Вадик должен был поставить зачеты тем, у кого вырисовывался автомат.

Я в прыжке с кровати натянула джинсы, на ходу прополоскала рот водой и, напялив футболку и кроссовки, дала низкий старт. Зачетка была зажата в зубах, сумка через плечо.

Эту сессию я должна сдать максимально быстро, как и экзамены. И дело не только в стипендии. Я решила рискнуть и побыть дублершей.

Вот только не прилетит ли мне запоздалый сюрприз от Вадика?

Что удивительно, но на занятия я не опоздала. Пулей влетела в аудиторию, приземлилась на свое место, успела достать тетрадь, отыскать в недрах сумки флешку с уже написанной прогой и выдохнуть. Одногруппники, уже привыкшие к моим периодическим появлениям посредством вбега, влета, точного десантирования и телепортации методом «прыжок с порога», даже не обернулись.

Прозвенел звонок, мы замерли в ожидании прибытия преподавателя. Кто-то уже и зачетки расчехлил. А Вадик не шел. Даже появляться не думал. Мы, подобно честным женам султана, ждали своего владыку минут десять. Потом начались, как и во всяком гареме, пересуды. Назревал мятеж в духе «пойдем искать блудного многоженца сами», и тут к нам вошла одна из лаборанток.

Дева несла дурную весть: занятие отменяется, преподаватель звонил и просил предупредить, что он заболел. Зачет назначен на послезавтра, на девять утра, в этой же аудитории. Те, кто надеялись на автомат, горестно вздохнули, иные представители вида «студиозус вульгарис» подвиды «хвостатые» обрадовались.

Я выругалась витиевато и почти интернационально. Во всяком случае, братские славянские народы меня поняли бы без переводчика. Правда, матюгнулась исключительно про себя.

Вадик был в своем репертуаре. К слову, он даже те злополучные сережки передал не лично, а через одного из студентов. В дополнение к презенту шла записка в духе: нам стоит расстаться, мы слишком разные. В чем именно разные, как и вся подоплека с пари, выяснилось вскоре. Слез я тогда в подушку пролила немало. А днем... Днем старалась улыбаться, чтобы никто не видел, как мне на самом деле фигово.

До сих пор вспоминаю фразу о том, что я «невзрачная серая мышь, которую никто бы и не заметил, если бы не рост, именно из-за него и выбрали из толпы студенток для спора». Так, доходчиво и кратко, мне все объяснила очередная пассия Вадика, которая была под стать красавцу аспиранту не только по экстерьеру, но и по родословной, и по родительскому кошельку. Думаю, сделала она это с одной единственной целью: чтобы нищелюбка не докучала ее бойфренду.

Я вынырнула из воспоминаний, когда одногруппники нестройной толпой уже начали выходить из аудитории. Что ж, раз утренняя пробежка у меня была, а кофе случился, но мало, то осчастливить желудок еще одной порцией этой бодрящей быстрорастворимой бурды совсем не помешает.

Так начался мой очередной день. Не борьба за выживание, но, по ощущениям, тренировка к «Голодным играм», где мне уготована роль верткой мишени.

Глотнув кофе, посмотрела на часы. Для пресыщенной жизнью блондинки – несусветная рань. Но не мне, а ей свербит отдохнуть «у бабули в деревне». Так что, подъем, а то на ферму опоздает. Выйдя на улицу, я достала телефон и набрала номер Марики.

Ответили не сразу, гудка с двадцатого. Голос заспанный и недовольный проворчал что-то невнятное. Но когда я озвучила, что таки согласна, то словно кто-то переключил тумблер, и речь блондинки стала деловой и собранной, как на совещании.

Первый вопрос, который я ей задала, касался документов. Как Марика планирует протащить меня не только под своей внешностью, но и именем-фамилией?

Оказалось, что глупые блондинки иногда очень умные. Конкретно этой я бы смело присвоила не то что кандидатскую – докторскую степень в области житейских наук. Все просто: она отдает мне свой паспорт, но предварительно пишет заявление в полицию, что его потеряла. В итоге, сделать я с ним ничего не смогу: ни кредит оформить, ни какую другую аферу проверить. Зато и в аэропорту, и на ресепшене отеля с документами отметится Марина Богомолова.

Я не стала спрашивать, как сама хозяйка собирается отдыхать без основного документа, который необходим внутри страны. Ответ был очевиден: он ей попросту не нужен. Если летишь на иностранный курорт – достаточно загранника. Вот так Марика полностью подтвердила мое предположение о том, что ее бабушка – это хорошо прокачанный дедушка, вполне себе молодой и подтянутый.

Договорились, что делать из меня точную копию любящей внучки будем за пару дней до вылета. Марика уже хотела повесить трубку, когда я ее предупредила, что если нанимательница задумала двойную игру, и вместо курорта меня ждет, например, свидание с Хароном, а вместо пляжа – купание в Стиксе, то вся инфа, в том числе и этот разговор, который записывается, тут же окажутся не только на электронной почте в ФСБ, но и на сотне новостных сайтов рунета. К слову, я не блефовала. Весь разговор действительно записывался на диктофон, а создать письмо с отложенной датой отправки – плевое дело. Главное, раз в пару дней не забывать менять день отправки.

Выслушав в ответ гневную тираду и узнав о себе много нового, самым приличным из которого было «гребаная шантажистка», я спокойно пояснила, что это моя страховка. К тому же я просто хочу быть уверена, что получу обещанную тысячу долларов.

Марика замолчала. Надолго. А потом, видимо решив, что рискнуть все же стоит, подтвердила: через две с половиной недели мы встречаемся у крыльца фешенебельного салона красоты «Клеопатра». И повесила трубку.

Я выдохнула. По телу разлилась небывалая легкость, а на душе отчего-то стало весело: это в венах забурлил адреналин. Откинула голову и посмотрела на лазурь неба, по которой неспешно плыли перистые облака.

Ветер шептал на ухо фривольности, как заправский повеса, вот только жаль, что ни слова из его монолога нельзя было разобрать. Наступающее лето обещало быть по меньшей мере интересным. Улыбнулась ему, господину зеленой листвы, птичьих трелей, поздних закатов и ранних рассветов, повелителю зноя, горячего песка и ласковой воды.

Я шурилась на солнце, а в душе зрело ощущение, что только что началась большая игра. Что ж, я Катя Скрипка в нее сыграю. Боюсь ли? Да, боюсь. Вернее, боится та часть меня, что отвечает за здравый смысл. А вот половина, которая безрассудна... Не мыслит. Знает: терять мне в особо нечего, кроме самой себя, потому и потирает руки в азартном предвкушении, толкая и торопя: «ну давай же, следующий ход будет твой».

Глава 2

Две с половиной недели пролетели как один миг. Один невыспавшийся миг, сдобренный изрядной порцией нервов. Я разрывалась между зачетами, экзаменами и работой. Но успела все, хоть и в последний момент.

Правда, перед первым экзаменом у всей группы чуть не случился казус: Вадик так и не появился на кафедре с того памятного дня, когда внезапно заболел. Наш куратор, женщина дородная и напористая, познавшая дзен семейной жизни и воспитания шустрой тройни, лично ходила к аспиранту на дом, чтобы тот отметил в ведомостях тех, кому ставит зачет автоматом.

Судя по тому, что в тот день зачет сдали все, наша куратор объяснила парню нюансы тонкой науки педагогики кратко и доходчиво. Так что в свои должностные обязанности Вадик вник и не стал выкобениваться, дав допуск к экзаменам всем.

И вот настал день икс. Я стояла у входа в салон «Клеопатра», ловила на себе косые взгляды постоянных клиенток сего уважаемого заведения и смотрела на экран телефона.

Марика опаздывала уже минут на тридцать.

Я для себя решила: еще десять, и уйду. Все же это не свидание, а деловая встреча. Да и я ни разу не кавалер. Но стоило так подумать, как послышался визг шин и истошный рев клаксона. У тротуара припарковался знакомый джип.

Водитель, которого Марика подрезала так лихо паркуясь, не поленился опустить стекло и высказать все, что он думает об ущемленных правах куриц, купивших себе права. Блондинка, как приличная девушка, поддержала беседу: ответила тем же, вернула все слова водителю сторицей и одарила сверх слов еще и фигурой из одного пальца.

Водила матерно бибикнул, поднял стекло и дал по газам.

Сегодня Марика была одна, без своей подруги.

– Паршиво выглядишь, – выдала она мне вместо приветствия.

– Взаимно, – не удержалась я.

Марика, словно и не услышала, цепко схватила меня за локоток и поволокла внутрь. А дальше начался мой персональный ад.

Кто сказал, что быть красивой легко? Да он просто ничего не знает о шугаринге! Удаление волос, наращивание волос, моделирование бровей, скульптурирование лица, бронзирование тела. Спустя десять часов я думала, что схохну. Через двенадцать я уже не думала, а точно была в этом уверена. Но когда от меня все же отстали эти маньяки от красоты, по ошибке именуемые косметологами – стилистами – визажистами, Марика оптимистично заявила, что еще только девять вечера, а потому самое время заняться шоппингом. Ибо в том рванье, что сейчас на мне, на курорте появляться нельзя.

Первым был магазин... Не магазин. Оптика. Да, не смотря на то, что мы с Марикой сейчас казались точными копиями, все же имелась деталь, по которой нас легко было отличить. У блондинки было стопроцентное зрение. Я же таковым похвастаться не могла.

Проблема решилась быстро: линзы. Двадцать пар (на всякий случай) в цвет радужки моей нанимательницы. Когда мне объяснили, как нужно вставлять, и у меня даже получилось сделать это самостоятельно (правда нормально вышло попытки с пятой) я посмотрела в зеркало. Марика тут же прислонила к моей щеке свою.

Я вздрогнула. Мы были точными копиями друг друга. Даже близняшки, как мне кажется, не столь схожи на лицо. Две длинноволосые блондинки с серо – голубыми глазами, высокие, стройные. Один цвет помады, одинаковые тени и румяна. Да мне теперь в зеркало не нужно смотреться, чтобы увидеть нынешнюю себя, стоит только взглянуть на Марику.

Но вот она была другого мнения и потащила меня по бутикам. Этот забег мог выдержать без потерь только тренированный спортивный организм Марики. Я же начала выть уже в

третьей примерочной. И все же поразила целеустремленности блондинки: это как же у нее свербело и хотелось приключений на свои полупопия?

Но, как говорится, клиент всегда прав, пока платит. Я молчала и терпела, даже когда желудок начал орать от голода, а сознание нет-нет, да и туманилось, намекая, что скоро покинет дурную хозяйку.

Все же я выстояла. И даже умудрилась не сверзиться с пятнадцатисантиметровых шпилек, которые Марика мне всучила для «дополнения ее образа». В результате у порога родной общаги я оказалась без пяти одиннадцать. С пакетами, в боевой раскраске и с паспортом на имя Марины Богомоловой в зубах. Завтра вечером я должна была лететь на Черноморское побережье.

Как добралась со своей добычей до комнаты – отдельная история. Длинная и полная опасностей (на высоченных каблуках они подстерегают повсюду, где есть ступеньки или свежeweымытый пол) и приключений. Кратко о последних: меня три раз пытались закадрить, два раза намекали, что такая девочка тут забыла, и свистели вслед бесчисленно. Но никто! Ни одна сволочь меня так и не узнала!

Когда же я добралась, наконец, до своей постели и разулась, по комнате пронесся стон наслаждения. Это я испытала ни с чем не сравнимый кайф, когда сняла жутко неудобную обувь, в которой пришлось изрядно походить.

Женьки не было. Она еще с утра предупредила, что после успешной сдачи всех экзаменов уйдет в официальный загул до завтрашнего утра. Последнему я была несказанно рада: хотя бы выплюсь спокойно.

С утра меня поджидала мелкая неприятность: оказалось, надо было заглянуть в деканат. В благополучно сданной мною зачетке чего-то не хватало. Нужно было разобраться.

Я натянула джинсы и уже хотела привычно влезть в бесформенную футболку и кроссовки, когда взгляд упал на пакет.

А почему бы и нет? В конце концов, это же мои вещи? Ну, условно... В итоге вместо растянутой футболки я надела облегающий топ и ажурную кофточку. Покосившись на ужасающие шпильки, решила кроссовкам не изменять. Мазнула по губам блеском, собрала непривычно длинные волосы цвета спелой пшеницы в хвост (вчера, чтобы добиться такого оттенка, колористы колдовали долго и упорно), подхватила сумку и двинулась на штурм деканата.

Выяснилось все быстрее некуда: подобная проблема была у всех одnogруппников, кто успел сдать экзамены и отправил зачетки обратно в деканат. Вадик расписался в ведомости, поставив зачет, но вот графа в самой красной студенческой книжечке у всех была девственно пустой.

Потому у нас, собравшихся под дверью деканата, имелась одна мечта на всех: отловить аспиранта и врезать... то есть попросить поставить зачет.

Двинулись дружной толпой.

Вадик обнаружился на кафедре. Облокотившись о стол, он занимался архиважным делом: клеил очередную студентку.

Мы оторвали его от первого этапа процесса размножения – ухаживания – и потребовали автографов. Атаковали аспиранта прямо как фанаты своего кумира. Студентка испугалась, пискнула, что зайдет потом, а мы выстроились в подобие очереди. Увы, меня за меня не признавали напрочь и норовили оттереть в конец. В итоге, когда дошла очередь до бедной Кати Скрипки, в кабинете осталась собственно я, Вадик и еще пара студентов. Я протянула зачетку, внутренне подбравшись.

Аспирант небрежным движением руки открыл красную книжечку, а потом поднял взгляд. И надо ему было уточнить, кому именно он ставит зачет? До этого дюжине студентов не глядя подмахнул.

– А вас я на своих занятиях ни разу не видел, студентка... – тут он посмотрел на первую страницу с фото и фамилией. Повисла пауза. Сглотнув, Вадик ошарашенно выдал: – Скрипка?

– Она самая. И занятия я не прогуливала, – сказала я сухо. Ноль эмоций, фунт равнодушия.

Когда-то я мечтала, чтобы этот гад посмотрел на меня вот так, с восхищением, удивленно, словно только что прозрел. А сейчас... Сейчас Вадик был досадной помехой между мной и морем.

Заинтересованный мужской взгляд блуждал по моему лицу, затем спустился чуть ниже, в вырез кофты и завяз там, как дэу матиз в болоте: основательно и надолго.

Мне захотелось срочно купить оберег от похотливых кобелей. Желательно огнестрельный. Но увы, труп зачет не поставит. А жаль.

– Может быть, чаю? – голос Вадика прозвучал неожиданно хрипло, словно у аспиранта резко пересохло в горле.

– Нет, спасибо, я уже отчаялась, – мило улыбнулась бывшему, матеря его про себя на все лады.

Ну что стоит просто расписаться в зачетке? И дело с концом.

– Отчаялась? Скорее преобразилась. Ты удивительно красива. Я даже и подумать не мог... А сейчас увидел тебя и понял, что был неправ, – начал переобуваться в полете этот кобель и тут же рванул с места в карьер: – Как ты смотришь на то, чтобы возобновить наши отношения?

Казалось, что он позабыл об оставшихся на кафедре студентах, о преподавателях, что сидели за другими столами. И как я год назад могла влюбиться в такое? Рыдать ночами в подушку, мечтать, что вот случится обязательно что-то такое, и он поймет, вернется...

Ну, случилось. А мне уже до бывшего, как андроиду до пингвина, причем линуксовского. А бывший тем временем оправдывал народную мудрость, что мозги даны всем, но не каждый разобрался с инструкцией по их использованию: Вадик усердно пытался склеить ту, которую сам же и бросил.

Захотелось наградить аспиранта. О души так, увесистой плюхой по его смазливой морде. Но ведь не поставит зачета, гад. Потому я лишь мило улыбнулась, похлопала ресницами и прощбетала:

– Вадик, сначала стоит подумать про зачет, а потом уже про всякие любовные глупости... Иначе ты рискуешь вместо интересного вечера получить на свою голову три ведра соленой воды. А в них немудрено и захлебнуться, причем еще до получения удовольствия.

– Это как? – не понял бывший.

– Ну или четыре... – меня было вопросами не сбить с выбранного курса. – Сколько уж наплачет девушка, который злой преподаватель не поставил зачет.

Вадик намек понял и расписался. Тут же, не глядя в зачетку. Я даже слегка расстроилась. Могла бы в этот момент подсунуть ему дарственную на все его имущество, и он бы так же ее подмахнул. За автографом последовала коронная фраза:

– Я заеду за тобой в шесть. Ты все в том же общежитии?

– Да, – я продолжала улыбаться, но чувствовала: еще немного и мышцы закаменеют.

– Тогда позвоню тебе. У меня сохранен твой номер, – он посмотрел на меня с выражением лица «я помнил о тебе всегда».

Ага, три раза поверила. Могу поспорить на всю свою еще не полученную штуку зеленых, что мой номер у него в телефоне записан как «Скрипка Катя не брат».

Я сделала вид, что несказанно рада вечернему свиданию, но мой взгляд помимо воли скользнул по запястью Вадика. На третьем браслете с последней лекции, которую он читал, прибавилось еще две бусины.

Да, у меня была дурацкая привычка. Весь год, что Вадик вел у нас занятия, я считала эти чертовы бусины. Наверное, я знала их даже лучше, чем сам хозяин. Рыжий янтарь, зеленый с прожилками малахит, молочно-розовый кварц, аметист цвета космоса, небесно-лазурный аквамарин... Сейчас таких бусин на первом браслете было ровно тридцать. Как и на втором. А третий... Его Вадик еще не заполнил до конца. Видимо, во время своей «болезни» как раз и нанизал очередную. Бусина была черной, как южная ночь. Надо будет зауглеть, что за камень. Скорее всего обсидиан.

Хмыкнула про себя: мда, я уже столько о камнях узнала, что впору вторую вышку получать – минеролога.

– Созвонимся, – я аккуратно выдернула из-под руки Вадика свою зачетку.

Уточнять, что принимать звонок я буду скорее всего уже в аэропорту, не стала. Пусть окажется сюрприз. Ведь женщина без сюрприза, что граната без запала: так, одно название.

Едва вышла с кафедры, напрямиком направилась в деканат: сдать зачетку. А потом – рысью в общагу собирать вещи. И хоть последних было немного, но все же.

А ровно в шесть я была в аэропорту. За час успела пройти регистрацию, отдать свой новенький чемодан (розовый, в стиле Марики), пройти досмотр, протянув оператору документы на имя Марины Богомоловой (при этом по-голливудски поулыбавшись для лучшего сходства с истинной владелицей) и даже сжевать хот-дог, пока ждала рейса, сидя в зале.

Наконец, объявили посадку. Я, никогда не летавшая на самолетах, приготовила билет. И тут в моей сумке зазвонил мобильный. Даже гадать было не надо, по ком звонит колокол... в смысле смартфон. Вадик, собственной персоной...

– Привет, я так ждал сегодня вечера. Кажется, я снова в тебя влюбился. А ты соскучилась? – бархатистый голос обволакивал и обещал.

– Да нет, наверное, – я пожала плечами, хотя собеседник и не мог меня видеть.

Аспирант завис, а я решила атаковать коварным «трояном», пока бывший перезагружался:

– Слушай, а ты не мог бы влюбиться сегодня в кого-нибудь другого?

– Нет, я уже выбрал тебя, – последовал игривый ответ.

Так, понятно, аспирант думает, что я флиртую, набивая себе цену. Да, падать с Олимпа больно, а понимать, что тебя отшвивают – еще и позорно.

– А вот у меня слегка поменялись планы...

И тут усиленный динамиком женский голос повторно предупредил, что объявлена посадка на рейс номер СУ 1129.

– Ты где? – тон Вадика резко изменился.

– В аэропорту... – я была сама невинность. – Знаешь, красивые девушки всегда немного оптимистки. Оттого мы носим при себе не только помаду, но и купальник, паяльник, а порою и загранпаспорт. И не зря. Вот сегодня мне последний и пригодился.

Кажется, я услышала, как трещит корпус телефона у абонента «Вадик Сволочь». Раздавшиеся вслед за этим звуком гудки лишь утвердили меня в догадке. Я пожала плечами, записала смартфон в сумку и поспешила к трапу. А в моей душе пустило корни чувство «Спасибо, нафиг не надо». Именно так. Отныне мне Вадик не нужен был ни под каким соусом, даже брачным (случись у него такое внезапное помутнение рассудка).

Как подавала билеты слегка подрагивающей рукой, проходила в салон, садилась, внимательно слушала стюардессу, пристегивалась и впивалась руками в подлокотники при взлете – отдельная страница моей биографии. И мне искренне хотелось, чтобы она побыстрее перевернулась и осталась единичной, потому что выяснилось, что я до одури боюсь летать. Поезда, только поезда и автобусы. Вмиг Австралия, Гоа, Тайланд и Куба потеряли для меня свою привлекательность.

Но постепенно страх притупился, я разжала побелевшие пальцы и даже смогла спокойно выдохнуть. Зато имелся один неоспоримый плюс: своими нервными переживаниями я так впечатлила стюардессу, что та мне первой предложила перекус.

Я сидела и уминала сдобу, рука шарилась по шуршащему пакету... И в какой-то миг я поняла, что если так будет все две недели отдыха, то мое стройное тело унесет бурным потоком печенья, крендельков и вафель. Я решительно отодвинула от себя пакет. Пустой. А потом глянула в иллюминатор. Пузо соседа сбоку, которому досталось место у самого «окна», этому занятию почти не мешало.

Так, за размышлениями, созерцанием и думами о недалеком будущем я и скоротала полет. Посадка вышла менее нервной, видимо сказался опыт организма, тренированного взлетом. А когда мы выбрались из брюха самолета в жару и сухость аэропорта гостеприимного южного курорта, у меня было одно желание – растечься лужицей. Но то ли встречавший нас гид был человеком опытным, то ли мне так повезло, но трансфер, регистрация и собственно заселение у меня слились в одно невнятное «я сделала это». Ни у кого не возникло вопросов по поводу того, что я никакая не Марина Богомолова. Нет, наоборот, обращались уважительно на «вы», а порою и по имени-отчеству, на которые я откликалась через раз.

Едва оказалась в номере, как первым делом поймала вайфай и набрала Марику, включив видеозвонок.

Блондинка потребовала показать ей номер, скривила губки, но оставила свое мнение при себе. Зато ее прорвало на короткие, но емкие инструкции в стиле «ходи, свети лицом», «обязательно посети пару медитаций», «капризничай», «скучай», «делай селфи». К советам я получила заверение, что она перечислит на мелкие расходы весьма нескромную сумму. Напоследок Марика, словно вспомнив о чем-то, прищелкнула пальцами:

– Да, и каждый день вечером скидывай мне несколько фото. Я буду размещать их у себя в инстаграме. Глянь на мою страничку и сделай в таких же ракурсах.

Марика, выдав ценные указания, отключилась, а мне оставалось лишь подивиться тому, насколько у этой гламурной девы все продумано.

Я еще несколько мгновений помедитировала на погасший экран. В номере было хорошо. Прохладно, просторно и спокойно. Хотелось лечь звездой на покрывало и проспаться весь этот отпуск. Но блондинское начальство велело селфиться и светить лицом. Поэтому я поплелась в ванну.

Освежилась быстро, а вот то, что было дальше... Чем может заниматься девушка в полном расцвете красоты, созданной умельцами женского салона? Да-да, селфи, чтоб его! Я пялилась на экран и старалась копировать позы и выражения лица Марики. Скажу как на духу – это оказалось сложно. Оттянуть зад, сделать губы уточкой и втянуть живот – еще полбеда, надо еще не заслонить лицо телефоном, если фотографируешь себя в зеркале, не смотреть прямо в камеру, а косить взглядом чуть выше. В общем, целая наука, которая постигалась с трудом. И все-таки я справилась. Через три часа мои фото ничем не отличались от тех, которые постила у себя в мордакниге Марика.

Удовлетворенная результатом, я глянула на часы. Вечер торопливо прощался, а на пороге маячила ночь. Мой организм плевал на такую ерунду, как неурочное время, и требовал прозаического – жрать. И желательно побольше. Эх, заказать бы еду в номер. Хоть я ни разу этого не делала, отчего-то была уверена, что справлюсь. Но, увы, надо было «отсвечивать». Да и мой тайный шпикик наверняка уже расчехлил свою камеру для фиксации «отчетов о разнузданной жизни». Поэтому я накрасилась, причесалась и, надев легкий красный сарафан, вышла из номера.

Путь до ресторана был не близкий – шесть этажей на лифте, и два коридора. Марика заверила, что у меня не просто «все включено, но еще и отглажено». Поэтому об оплате я не волновалась.

Зайдя в лифт, я оказалась одна, достала телефон и мстительно замигала вспышкой, запечатлев «Марику» согласно всем правилам: где надо – аппетитно, где требовалось – стройно до ребер с позвоночником.

После того, как звук звонка оповестил, что мы добрались до нужного этажа, фотосессию пришлось свернуть. Глянула на свой телефон, старенький и простенький, но в чехле, имитирующем дорогущее яблоко: моя нанимательница не пожелала дополнительно вкладываться в «мелкие детали образа».

В зале меня вежливо препроводили к пустому столику. Официант чуть позже уточнил, что на протяжении всего отдыха данное место забронировано за мной.

Я лишь хмыкнула, умиляясь новой интерпретации фразы «твоя будка, сидеть здесь». Ужин заказала легкий, салатно-соковый. Пока ела, старалась незаметно смотреть по сторонам, пытаясь вычислить блюстителя моей нравственности. Вот кстати, это он или она? Почему-то казалось, что должен быть мужчина. Ведь с такой профессией не только по поручениям ревнивцев надо камерами щелкать, но и частыми детективами работать, а это и вероятные драки, погони, да и нервы...

Пока наблюдала за такими же ночными жрецами и жрицами, как и я, выискивая своего личного шпика, успела заметить, что многие дамы тут блюдут фигуру и жуют листочки салата, запивая их минералкой. Да-а-а... Похоже, здесь собрались те, кто следит за модой, ибо нынче в тренде бдеть за питанием и внешностью. Интересно, когда же станет популярным следить еще и за языком с поступками?

Такая мысль пришла, когда я увидела типичную для подобных мест картину: аристократичного вида дама с молодежавым лицом и предательски морщинистой шеей отчитывала официанта, который чем-то ей не угодил. Причем делала она это явно напоказ. Размахивала рукой, униженной перстнями, периодически тыкая высохшим пальцем в принесенное блюдо: «Буйабес... остыл... безобразия...». А парень, мой ровесник, стоял чуть нагнувшись, терпел эти кривляния с выражением искреннего почтения и молчал.

Надеть бы ей тот самый буйабес, или как там его, на голову, и постучать ложкой! Ведь когда официант нес блюдо к столу карги, оно еще дымилось. Но пока гостя неторопливо беседовала со своим спутником – молоденьким и крайне смазливый типом с блудливыми глазами профессионального альфонса – все успело остыть. А виноват кто? Правильно, официант.

Моя рука взметнулась вверх прежде, чем я успела подумать. Призывный щелчок пальцами и требовательное «официант» разнеслись по залу.

Парень, спасаясь от карги, заверил, что «все непременно исправит» и метнулся к моему столику. Полагаю, что про себя костеря еще одну капризную фифу, а именно – меня.

– Вы хотели сделать заказ? – начал он.

– Вообще-то скорее спасти ваши уши, – перебила я, мотнув головой в сторону капризной старухи. Официант чуть заметно улыбнулся. – Ну а если говорить о заказе... Чашку какао, пожалуй.

Парень радостно упорхнул, а я же удостоилась внимательного взгляда побитой молью перечницы. Интересно, с какого она года? С семнадцатого? Критически осмотрела морщинистую шею, возрастные пигментные пятна на отутюженном пластикой лице... и пришла к выводу, что таки да. Причем не с тысяча девятьсот, а просто – с семнадцатого.

Получила я свое какао в рекордные сроки. Пила медленно и с удовольствием. Неторопливо расспрашивала официанта о каждом блюде в меню, краем глаза мстительно наблюдая, как багровеет от злости гадкая старушонка. Чувствовала я себя при этом двояко... И стыдно и хорошо. В таком вот душевном смятении я прикончила, наконец, какао, отпустила официанта и поцокала на ужасных каблуках обратно к лифту.

Там уже стоял какой-то тип, высокий, загорелый, поджарый. Его внушительный разворот плеч, темные, чуть выгоревшие под жарким солнцем волосы, обезоруживающая улыбка –

все это было настолько гармоничным, истинно мужским, притягательным, что у меня сразу возникло подозрение: тип приехал сюда не только на отдых.

Внутри не хуже сигнала Касперского завывала тревога: проверка! А что если спонсор Марики решил не только детектива приставить, но и нанять профессионального соблазнителя? Нет, конечно, если бы я приехала действительно на отдых, то мои мысли при взгляде на этого красавчика потекли бы в ином направлении... Но я была на работе. На службе. Почти на секретном спецзадании. Потому в любом носителе игрек хромосомы видела лишь потенциальную угрозу своему будущему гонорару.

Лифт подъехал, и брюнет, следуя правилам этикета, отошел чуть в сторону, пропуская.

– Прошу.

Я резво отпрыгнула в сторону.

– Спасибо, я лучше прогуляюсь. Тут не далеко... В смысле мой этаж не высоко...

Я развернулась и рванула прочь, но не учла того, что каблуковую высоту в пятнадцать сантиметров я покорила совсем недавно и еще не освоилась на ней. Запнулась и начала падать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.